

К. Бальмонт

Трудность

Воля России. 1921. 10 апр. No 174. С. 4--5.

Русская литература, No 3, 2004

[OCR Бычков М.Н.](#)

Иисус сказал: Не запрещайте ему...

Евангелие от Марка, гл. 9: 39

В доме старинного моего друга я встретился недавно с П. Б. Струве, которого не видал очень давно. После первых слов, при таких обстоятельствах -- для каждого благовоспитанного человека обязательных, Струве удостоил меня снисходительно-небрежным упреком: "А вы все еще пишете политические гимны!" Он разумел мои стихи "Песня Рабочего Молота", не так давно напечатанные в газете "Воля России". -- "Политические гимны? -- воскликнул я почти обиженно. -- Восхваление в стихах всех ликов человеческого труда разве есть политика?" Реплики кончились, и разговор перешел на другую тему.

Этот маленький случай возбуждает во мне много мыслей, и о некоторых мне хочется сказать. Я думаю, слова мои представят некоторый общий интерес, хотя они будут чисто личного свойства.

В "Песне Рабочего Молота", которая слишком длинна, чтоб сейчас приводить ее, есть такие строки:

Услышьте все, кто жив и молод:
Свободный труд -- как изумруд.
Я в пляске, я рабочий молот,
Во мне столетия поют,
Плясал я весело и звонко,
Любил огонь вдыхать и пить,
Сковал игрушку для ребенка,
Венец, чтобы его разбить.
Я бунт, я взрыв, я тот, который
Разрушил смехом слепоту,
Пряду из зарева уборы,
Хватаю звезды на лету.
Гранит высоких скал расколот,
Я ходы вырыл в глубине,
Я сердце мира, слушай молот,
Я кровь, я жизнь, будь верен мне.

Я нарочно взял не те строфы, где от Рабочего Молота я говорю: "Когда мотыги я и плуги" или "Серпы я выковал и косы". Нет, я взял несколько таких строф, которые можно заподозрить, и вопрошаю тех, кто чувствует поэзию, много ли политики в моих строках.

Я думаю, ее вовсе нет, в том смысле, как хотят люди подозрительные. Я думаю, что она есть в ином смысле, о котором скажу в конце.

Сейчас мне хочется рассказать другой маленький случай. Это было прошлую зиму в Москве. Один мой друг, поэт, имевший самые разнообразные знакомства, предупредил меня, что я на днях буду арестован чрезвычайкой. Так ему сказали осведомленные. Ну что ж, я этого ждал не раз. Я не однажды на публичных выступлениях заявлял, что Россию сейчас держат за горло кровавые руки и что никакое творчество немислимо там, где не любят работать и любят убивать. Действительно, через неделю после этого я получил повестку, приглашающую меня явиться для дачи показаний на Лубянку.

Слова "на Лубянку", возбуждая ощущения черного и красного цвета, звучат в ушах каждого москвича совсем особой музыкой. Но страха не было, да притом ничего страшного не произошло. Совсем напротив.